

В этой идее заметно влияние немецкого романтизма на Достоевского.

Два сообщения Е. Ю. Глевенко (Санкт-Петербург) «Художник Кирилл Антонович Горбунов: портреты Авдотьи Яковлевны и Ивана Ивановича Панаевых в экспозиции музея» и О. А. Замареновой (Санкт-Петербург) «Рисунки М. А. Гамазова. Поиски и находки» — посвящены иконографии обитателей квартиры в доме на Литейном пр., родственным (Гамазов) и творческим (Горбунов) связям Панаевых и Некрасова с людьми из мира изобразительного искусства.

Биографическому и историкокультурному аспекту посвящен доклад М. Ю. Степиной (Санкт-Петербург) «Анна Матвеевна Брянская в автобиографической прозе и „Воспоминаниях“ А. Я. Головачевой-Панаевой». Повесть «Семейство Тальниковых» (1847) написана дебютанткой при помощи более опытного к тому времени Н. А. Некрасова; под влиянием обсуждавшихся в ближайшем круге проблем современного института семьи, и в ее поэтике есть установка на типизацию, а не индивидуализацию, и упрощение характера, а не его психологическую разработку. Воспоминания же написаны пожилой женщиной и много написавшей беллетристкой, они посвящены людям, в большинстве своем ушедшим на тот свет. Мать (сконч. 4 августа 1878) закономерно подразумевается как одна из центральных фигур как в повести о детстве и отрочестве, так и в воспоминаниях, открывающихся этими же периодами жизни. Но культурное значение ее личности не оценено писательницей практически никак, тогда как статья из Русского биографического словаря А. А. Половцова дает представление

о ней как о личности даровитой, популярной среди товарищей, живо интересовавшейся до конца дней культурной жизнью. В художественном плане отношения с матерью после замужества — и после повести «Семейство Тальниковых» — автора мемуаров не интересуют. Подытоживая анализ образа матери в двух текстах, отделенных один от другого четырьмя десятилетиями, можно отметить единую манеру в прорисовке характера Анны Матвеевны, единые мотивы непреодоленной детской и подростковой обиды и протеста, узкие временные рамки событий, повлиявших на восприятие дочерью индивидуальности Анны Матвеевны. В описании своего культурного багажа Панаева-Головачева отмечает отца Якова Григорьевича — артиста, режиссера, педагога, знакомого замечательных людей. Она противопоставляет ему Анну Матвеевну, но не уделяет той внимания ни как артистке, ни как зрительнице и читательнице со своим кругозором и вкусом, ни как собеседнице. Замужество и уход из родительского дома в художественном отношении выступают как рубеж в знании того, что этот человек относился к ближайшему ее кругу.

Другой фигуре из ближайшего круга И. И. Панаева был посвящен доклад П. В. Бекедина (Санкт-Петербург) «Ипполит Панаев как заступник Н. А. Некрасова». Основываясь на скрупулезном прочтении эпистолярики и мемуаров эпохи, докладчик представил литературный портрет, изложил историю личных и деловых отношений, прокомментировал узловые моменты личной и литературной биографии поэта.

© М. Ю. Софийская

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-267-271

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЮБИЛЕЮ И. А. ГОНЧАРОВА

15—17 июня 2017 года в Историко-мемориальном центре-музее И. А. Гончарова (Ульяновск) прошла VI Международная научная конференция, посвященная 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. В ней приняли участие исследователи из 17 регионов России, а также из Венгрии, Китая, Украины и Японии.

С приветственным словом к участникам научного форума обратились директор музея М. Б. Жданова и министр культуры Ульяновской области Е. Е. Сидорова.

Заседание первого дня открыла М. Бёмиг (Италия) презентацией нового сборника статей немецкоязычных исследователей —

«Ivan A. Gončarov: neue Beiträge zu Werk und Wirkung».¹

С. Н. Гуськов (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Карьера Гончарова. Гончаров-газетчик», посвященным периоду службы писателя в газете «Северная почта». Исследователь проследил корреляцию писательской деятельности и карьеры Гончарова. Работа с публицистическим жанром оказала влияние на творчество романиста: некото-

¹ Ivan A. Gončarov. Neue Beiträge zu Werk und Wirkung. Köln; Weimar; Wien: Böhlau-Verlag, 2016 («Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte»; 85).

рые газетные темы вошли в сюжет произведений. Служебная практика также корректировалась писательством: сохранившиеся документы из архива «Северной почты» свидетельствуют, что на посту редактора Гончаров смог воплотить свое представление об идеальном начальнике — «втором отце для подчиненных».²

В докладе «Творчество Гончарова в поэзии» А. Молнар (Венгрия) остановилась на рецепции романа «Обломов» в творчестве венгерских поэтов — Шандора Петёфе («Господин Пал Пато»), Иштвана Ага («Сон Обломова») и Андраша Петоца («Сон Обломова»). Сравнив «производные» образа Обломова и оригинал, А. Молнар установила, что венгерские «халатные» герои-помещики часто вступают в полемику с традиционным пониманием Ильи Ильича, их образы модернизируются благодаря использованию современных реалий и лексики.

П. Н. Долженков (Москва) в докладе «Миф об Эдипе в романе И. А. Гончарова „Обыкновенная история“» сопоставил творчество писателя с мифологическим реализмом и продемонстрировал, что миф об Эдипе как повествование о погублении родственников может выступать ключевым звеном первого романа Гончарова, объясняющим «деградацию» главного героя.

Доклад С. К. Казаковой (Москва) «Ирония судьбы и ирония повествования в романе И. А. Гончарова „Обыкновенная история“» показал, что ход событий в романе может быть рассмотрен как противоположность читательским ожиданиям: поведение Александра Адуева не соответствует идеалу чувствительного героя, в то время как в характере Петра Адуева есть признаки чувствительности. Финал романа, таким образом, раскрывает подлинное «я» героев. Похожая жанровая схема прослеживается в комедии Э. Скриба «Simple histoire», чей перевод вышел в России в 1838 году.

Е. И. Шевчугова (Красноярск) в докладе «Образ матери в романной трилогии И. А. Гончарова» рассмотрела наиболее распространенные типы материнских образов, встречающихся в романах писателя. Особо исследовательница выделила категорию «несостоявшихся матерей» — персонажей, временно берущих на себя роль воспитателя. Такую функцию, например, в романе «Обломов» по отношению к главному герою поочередно выполняют Штольц, Ольга и Агафья Матвеевна.

С докладом «Образ Дон Жуана в творчестве И. А. Гончарова» выступил В. В. Рецов (Аксай). Проанализировав развитие образа знаменитого ловеласа на примере нескольких гончаровских героев — Поджабрина, Адуева, безымянного японского переводчика

(«Фрегат „Паллада“»), Райского, Волохова («Обрыв»), Валентина («Слуги старого века»), Хотькова («Поездка по Волге») и Гвоздева («Май месяц в Петербурге»), исследователь заметил, что писатель иронизирует над героем-донжуаном, но не осуждает его.

К. Ю. Зубков (Санкт-Петербург) в докладе «Гончаров-фельетонист: проблемы атрибуции» рассмотрел один из фельетонов, потенциально принадлежащий перу романиста — «Ответ Недовольного господину Довольному». В пользу данной атрибуции говорят некоторые как тематические совпадения фельетона с письмами Гончарова А. А. Краевскому, издателю «Санкт-Петербургских ведомостей», так и его стилистические особенности.

В докладе Г. М. Мосалева (Ижевск) «Образ храма-корабля в поэтике И. А. Гончарова и его историософские смыслы» особое внимание было уделено храмовым мотивам в первом из романов Гончарова — «Обыкновенной истории».

Е. М. Филиппова (Санкт-Петербург) в докладе «Эпистолярный И. А. Гончарова и „дружеское литературное письмо“ начала XIX века» сравнила письма Гончарова, адресованные близкому кругу знакомых, с дружеским эпистолярным арзамасцев. Стилистическое сходство переписки наводит на мысль о том, что романист типологически продолжает традицию литературной дружеской переписки, сложившейся в начале XIX века.

Работу второго дня конференции продолжили С. Н. Гуськов, А. В. Романова и К. Ю. Зубков (Санкт-Петербург) презентацией новых изданий Института русской литературы (Пушкинский Дом). Вниманию участников и гостей конференции были представлены — 15-й том Полного собрания сочинений и писем И. А. Гончарова, библиография И. А. Гончарова, сборники конференций «Гончаров после Обломова», «Чины и музы: писатели на государственной службе», а также издание «Современник против Москвитянина».³

Проблему оценки мира азиатской культуры путешественником-европейцем затронул Гао Жунго (Китай) в докладе «Государственный образ Китая в середине XIX века у

² Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 4. С. 55 («Обломов»).

³ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15: Письма, 1842 — январь 1855; И. А. Гончаров. Библиографический указатель (1832—2011). СПб., 2015; Гончаров после «Обломова»: сборник статей: [материалы III Международной гончаровской конференции в Санкт-Петербурге, октябрь 2014 г.]. СПб.; Тверь, 2015; Чины и музы: [международная научная конференция, 10—12 октября 2016 года]: сборник статей. СПб.; Тверь, 2017; «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015.

И. А. Гончарова». Он подчеркнул, что видение автора «Фрегата „Паллада“» политически окрашено: умеренный западник Гончаров называет Китай «консервативным» и полностью отрицает идею конфуцианства.

Малоизвестным страницам биографии Гончарова был посвящен доклад А. В. Романовой (Санкт-Петербург) — «И. А. Гончаров в Театрально-литературном комитете». Благодаря архивным разысканиям удалось установить, что в первый состав комитета (1856) Гончаров не входил. Всего писатель посетил 12 из 25 состоявшихся заседаний, последнее достоверно известное присутствие — на заседании от 30 марта 1857 года.

Е. В. Рипинская (Санкт-Петербург) в общении «...и уничтожить Гончарова с его романами, растаскав их по клочкам!» («The Precipice»: изнанка перевода) рассмотрела первый неполный перевод романа «Обрыв» (1915) на английский язык. По мнению исследовательницы, английский текст идентичен немецкому переводу Вильгельма Гольдшмидта (1887), о чем свидетельствуют совпадающие пунктуационные ошибки и лексические неточности.

С докладом «Антропонимическая система романа И. А. Гончарова „Обломов“» выступила Т. Ю. Кудрявцева (Воронеж). Антропонимический анализ романа показал, что из 428 имен собственных лишь 151 являются именами персонажей. Наибольшее внимание уделяет Гончаров «говорящим» фамилиям героев — именно они нередко становятся единственным средством характеристики.

Взобновил работу конференции доклад М. Б. Лоскутниковой (Москва) «Архитектонический строй романа „Обрыв“»: сквозные и локальные мотивы. Докладчица отметила особую роль экзистенциальной темы смысла жизни в романе и связанные с ней сквозные мотивы Другого,⁴ страсти и смерти. В пятой части «Обрыва» большое значение приобретают мотив греха и противоположный ему мотив понимания, прощения.

Продолжил анализ последнего романа Гончарова П. П. Алексеев (Украина) в докладе «Функции образа Райского в романе И. А. Гончарова „Обрыв“».

Т. В. Ушакова (Ростов-на-Дону) в докладе «Родовые „сценарии“ в жизни героев И. А. Гончарова (на примере романа „Обрыв“)» отметила, что в романе прослеживаются две группы героев: чтущие традиции своего рода и не чтущие. Первую группу составляют, в основном, женские лица. Позиция героев-мужчин часто противоположна: они либо отрицают правила, либо полностью индифферентны по отношению к ним.

⁴ См. об этом: Лоскутникова М. Б. Мотив Другого в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (в свете становления функциональных особенностей мотива в трилогии писателя) // *Literatūra: Rusistica Vilnensis*. 2012. № 54 (2). Р. 75—87.

Ю. Ю. Гребенщиков (Москва) в докладе «Образы „уголка“ и „гнезда“ в романах И. А. Гончарова и И. С. Тургенева 1850-х годов» продемонстрировал, что несмотря на близость образа «домашнего очага» у двух писателей воплощается он по-разному: герои Гончарова отрываются от семейных «гнезд» и имеют только приюты-«уголки», а герои Тургенева, в конечном счете, оказываются лишены даже собственного «угла».

Доклад А. Ю. Балакина (Санкт-Петербург) «Гончаров — учитель царских детей (новые материалы)» основывался на изучении принадлежавших вел. кн. Константину Константиновичу ученических тетрадей по русскому языку и литературе за 1872—1873 годы (ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. № 1049) — времени, когда эти предметы преподавал ему автор «Обломова». Всего сохранилось четыре тетради, содержащие разбор стихотворений Пушкина и Жуковского, есть также небольшое количество сочинений на другие темы: описания интерьеров, архитектурных ансамблей и праздников, а также грамматическое сочинение «О залого», серьезно отредактированное и дописанное Гончаровым.

Особый интерес вызвал доклад К. Савада (Япония) «„Запертой ларец с потерянным ключом“: И. А. Гончаров в Японии», посвященный нагасакскому эпизоду в биографии писателя. Докладчик обратился к мемуарным воспоминаниям двух японских полномочных — Кавадзи Тосиакира и Кого Кинъитиро, присутствовавших при переговорах с Е. В. Путятиным и его секретарем — Гончаровым. В «Нагасакском дневнике» Кавадзи романист упоминается семь раз, причем чаще всего японский чиновник характеризует его как «тактика». В воспоминаниях Кого («Дневник путешествия на запад») Гончаров возникает трижды; ученый-конфуцианец в шутку называет склонного к полноте писателя «брюхатым варваром».

В докладе «Путешествие как открытие национальных стереотипов: И. Гончаров. „Фрегат „Паллада“» Г. А. Лошакова (Ульяновск) рассмотрела просветительскую тенденцию как традиционную черту путевых очерков, заложившую еще немецкими предшественниками «Фрегата „Паллада“». В книге Гончарова также прослеживаются определенные оппозиции, характерные для путевой литературы: запад — восток, природа — цивилизация и Россия — остальной мир.

И. А. Беляева (Москва) «План новой жизни Обломова и новая жизнь Ольги и Штольца» обратила внимание слушателей на генетическую взаимосвязь крымской идиллии Ольги и Штольца с фантазиями Обломова. Однако крымское бытие четы не безоблачно. «Хрустальная жизнь» — метафора, передающая его хрупкость.

Интересными наблюдениями о роли писем в гончаровских романах поделился

С. А. Ларин (Воронеж) в докладе «Письмо из Обломовки: загадка адресата». Как известно, «тайные» письма есть во всех романах Гончарова. В «Обломове» «тайным» можно назвать уже самое первое возникающее в тексте романа письмо: доношение деревенского старосты Прокофия Вытягушкина. Адресованное, на первый взгляд, лишь главному герою, оно, в действительности, интертекстуально и сравнимо по своему содержанию с «Путешествием...» Радищева. В тексте романа можно также обнаружить определенные «эпистолярные» отсылки к Пушкину: по мнению исследователя, Гончаров заимствуют «почтовый код» автора «Евгения Онегина», реализуемый в виде принципа «симметрии писем».

И. А. Балашова (Ростов-на-Дону) выступила с докладом «Образ Тарантьева и его роль в романе И. А. Гончарова „Обломов“». Она подчеркнула, что именно Михай Андреевич Тарантьев определяет жизненный путь главного героя. Фамилия данного персонажа связана как с глаголом «тарантеть», так и с существительным «тарантас» (одно из частных средств передвижения в произведениях И. А. Гончарова). Образ «тарантаса» у романиста сохраняет метафоризм и находится в резонансе с образным рядом известной повести В. А. Соллогуба (колыбель, кровать, яма).

Продолжила анализ второго романа Гончарова Е. В. Грекова (Москва) в докладе «Центростремительное движение в романе И. А. Гончарова „Обломов“». Объектом внимания докладчика стал пространственный центр произведения — комната главного героя. Хронотоп этого помещения подчиняется правилам классицизма — все значимые события романа случаются за границами видимого читателями пространства, на самой же «сцене» не происходит ничего, кроме диалогов. Визитерами, пересекающими границу комнаты, оказываются не только знакомые Обломова, но и письма — что также схоже с известным драматургическим приемом.

В докладе «Мифологема ада в романе И. А. Гончарова „Обломов“» А. Я. Кравчук (Иркутск) предложил взглянуть на главного героя романа как на изначально мертвого человека, совершающего на протяжении произведения медленное схождение в царство мертвых. Сакральной областью умирания в романе докладчик называет Выборгскую сторону Петербурга, маркированную соответствующими образами-символами: на входе в дом Пшеницыной Обломова встречает лающий пес, напоминающий стоящего на страже Церберы, а также высохшая старуха, похожая на смерть.

В. Н. Греков (Москва) в докладе «Неоткрытый художник: И. А. Гончаров об искусстве подлинном и мнимом» попытался воссоздать представление Райского об идеальном искусстве. Согласно наблюдениям исследователя, главный герой «Обрыва» не может различать художественное и реальное, он вос-

принимает жизнь как искусство, театральность его поведения — жизнотворчество и попытка взглянуть на бытие с другой точки зрения. Идеал искусства Райского синтетичен, он отражает свое время.

Две экранизации романа «Обломов» — одноименный «Обломов» Александра Белинского (1965) и «Несколько дней из жизни Обломова» Никиты Михалкова (1979) были рассмотрены в докладе Е. Л. Райхлиной (Тула) «Воплощение образа И. И. Обломова на киноэкране». Если в первой из них акцентируется внимание на гибели человеческой личности, то вторая воплощает в первую очередь бездельную позицию героя, его самоустранение от жизни, психологически близкое мироощущению общества 70-х годов XX века.

Третий день конференции открыл доклад Д. А. Романова (Тула) «Риторическое мастерство И. А. Гончарова-публициста (на примере статьи «Лучше поздно, чем никогда», 1879 г.)». Исследователь проиллюстрировал риторику писателя с лингвистической точки зрения, выделив некоторые из ее особенностей — однородные ряды эпитетов и сказуемых, метафорику и прямой диалог с читателем. Индивидуальна и пунктуационная составляющая текста: восклицательный знак ставится Гончаровым для подчеркивания особой значимости невосклицательных предложений, в риторических же конструкциях восклицательный знак часто заменяется многоточием. Подобные атрибуты емкости и точности, в целом, характерны для публицистики 1860-х годов.

А. В. Кубасов (Екатеринбург) представил доклад «„Мовизм“ позднего Гончарова: „Май месяц в Петербурге“». Указанное сочинение можно отнести к жанру физиологического очерка, который в 90-х годах XIX века уже считался архаической формой литературного высказывания. Начало очерка типовое, Гончаров пренебрегает шаблонностью, избитостью, впадая в «неслыханную простоту», однако межтекстовые ассоциации выводят читателя за пределы произведения. Тем не менее, в отвлечении от автора очерк заслуживает другую оценку. Для Гончарова — это «мовизм» (плохописание), творческая неудача и, очевидно, последняя попытка преодолеть «холод жизни».

С биографией А. Д. Силина и необычными находками, обнаруженными в фондах историко-мемориального центра музея И. А. Гончарова, познакомила слушателей Е. В. Наседкина (Москва) в докладе «Художник Александр Силин — знакомый Андрее Белого, иллюстратор И. А. Гончарова». В ходе архивных разысканий исследовательнице удалось установить, что в Ульяновске хранится коллекция иллюстраций к романам Гончарова (всего 31 иллюстрация, а также варианты и эскизы будущих работ).

Мысль о трансформации русалочьего мотива в мифологему прозвучала в докладе И. О. Маршаловой (Ульяновск) «Мотив ру-

салки в романах „Обрыв” Ивана Гончарова, „Мелкий бес” Федора Сологуба и „Москва” Андрея Белого». Исследовательница показала, что в романе Гончарова мы сталкиваемся не с реальными образами водяных дев, а с двойственной, неопределенной русалочьей сущностью женских персонажей (Вера, Улинька). Освобождение от русалочьей маски в финале романа происходит только с Верой. Изживание русалочьего мифа происходит параллельно с избавлением от нигилистического синдрома.

Гончаровский идеал гармонической личности (равновесие красоты, ума и доброты) был рассмотрен в докладе А. Ю. Скрылниковой (Липецк) «Особенности функционирования концепта „красота” в идиостиле И. А. Гончарова». Выделенная исследовательницей лексема «красота» имеет 6 смысловых вариантов (красивый, прекрасный, внешность, место, удивительный и поразительный), однако два последних приведенных значения не реализуются в романе «Обрыв».

С. Б. Петров (Ульяновск) в докладе «„Фрегат „Паллада” Ивана Гончарова и „Корабль „Ретвизан” Дмитрия Григоровича» обратился к критической оценке текста путешествия Д. В. Григоровича. По мнению докладчика, данное произведение стоит в одном ряду с путевыми очерками Гончарова, их объединяет гуманизм, эстетизм и патриотизм.

Развитие мотива «халата» в творчестве двух авторов одной эпохи проследила И. Е. Прохорова (Москва) в сообщении «Еще раз о семантике образа халата в произведениях И. А. Гончарова и П. А. Вяземского». Образ халата явственно возникает в стихах Вяземского как минимум дважды: впервые в стихотворении, написанном в 1817 году — «Прощание с халатом», позже — в строках, которые обычно относят к 1870-м годам, — «Жизнь наша в старости — изношенный халат». В отличие от Обломова, чей халат больше напоминает спальную одежду, халат Вяземского — «уступчивый убор», позволяющий «мысли носиться». В «объятиях халата» автор отдыхает от служебных тревог, оживает и перерождается. Тема халата оптимистична у Вяземского даже в описании старческой жизни, где обычно главенствуют пессимистические ноты (как, например, в «Эпитафии себе заживо»). В стихотворении 1870-х годов прослеживается отсылка к плащу ученого, подчеркиваются боевые качества его обладателя («И, как боец свой плащ, простреленный в бою, / Я холю свой халат с любовью и почетом»).

Тема халата получила свое продолжение в докладе Л. А. Сапченко (Ульяновск) «„...а я на старости люблю азиатские халаты”: „покой” и „лень” в письмах Н. М. Карамзина». В эпистолярной Карамзина образу халата придается особый смысл. Подобно Обломову, автор «Бедной Лизы» превращает восточную одежду в символ собственного независимого пространства. Как и Вяземский, он противопоставляет халату «тягостное облачение» — мундир. Переодевание в ливрею сопровождается устранением, несовпадающим с внутренним мироощущением. Однако Карамзин не связывает халат с ощущением лени. Мотив покоя появляется только в поздних письмах Н. М. Карамзина (примерно в 1820-е годы) по мере того, как писатель теряет интерес к работе над «Историей государства российского...».

Вопрос существования воли у героев И. А. Гончарова затронула И. Пёрцген (Германия) «„Стоит захотеть!” — Проблема свободной воли в творчестве И. А. Гончарова». Исследовательница указала, что ни философия, ни нейронаука не находят ответа на вопрос, существует ли воля. Большим потенциалом в этом плане обладает художественный текст, способный воспроизвести жизнь в движении, показать колебания в момент решения. Существует несколько способов показать процесс выбора. В «Обломове» мы узнаем о решении того или иного персонажа благодаря характеристике автора. Сам Илья Ильич безволен, неактивен и совершает поступки под влиянием внешних обстоятельств. Во «Фрегате „Паллада» работа сознания маркируется при помощи эллипсиса. Наконец, в «Обрыве» себя и других определяет Райский.

Детали быта как отображение времени в произведениях И. А. Гончарова рассмотрели Ю. В. Габриелян, Е. А. Крюкова (Ульяновск) на примере романа «Обломов».

Последним прозвучал доклад Т. А. Алисевиц (Ульяновск) «Система работы массовой городской библиотеки по продвижению творчества И. А. Гончарова». Алисевиц сообщила, что в настоящее время ведется работа с разными возрастными категориями читателей, на базе библиотеки проходят спецкурсы для педагогов, совместно с другими образовательными учреждениями города готовятся такие крупные события, как литературный бал героев Гончарова, дни памяти, а также празднование дня рождения писателя.

Завершила конференцию встреча с потомками семьи Гончаровых из России и Франции.

© Е. М. Филиппова